

— Он и вправду редкой доброты человек, и лицом статен, и грамотный, — восхищалась матушка Лю. Раньше ей не доводилось видеть такого мягкого, благородного человека — в крестьянских семьях таких изящных манер не бывает.

— Мама, значит, мы ещё и курицу ему должны, — сказал Цюаньцзы. Долгов накопилось уже много, и все перед вторым господином Чжуан.

— Лишь бы ты поскорее поправился.

Долги когда-нибудь да отдадут, Цюаньцзы работающий, подрастёт — всё наладится. Не век же им в бедности жить.

Цюаньцзы держал в руке куриную ножку, откусывал мясо, запивал бульоном, губы заблестели от жира. Миска с курицей быстро опустела, суп был выпит до капли.

— Хочешь ещё? Я ещё налью.

Матушка Лю взяла пустую миску, собираясь на кухню.

— Мама, я лучше каши поем. Одной курицы мне много, ты сама поешь.

На следующий день Цюаньцзы всё ещё не мог работать — стоит встать, и тошнит, и в ушах звенит, шатается, хоть и полегче, чем вчера. Матушка Лю, видя его мучения, не разрешала подниматься с ложа.

— Мама, я хоть овец выведу, поле полью.

— С утра приходили трое ребят из семьи Чжуан, помогли: и овец выгнали, и поле полили. Ложись-ка лучше.

Матушка Лю не знала, что А-Ли не из семьи Чжуан, но они всегда вместе играли, и она их не различала.

— А свинью покормили?

— Я покормлю. Ты болезнь свою прогони, об остальном не думай.

В эти два дня матушка Чжуан меньше занималась ткачеством — и за Цюаньцзы ухаживать, и свинью кормить. Хорошо ещё, что в доме был запас зерна, не до голода.

После обеда Цюаньцзы, выпив лекарство, лежал на ложе, уставившись в окно на деревья. Для человека, привыкшего с утра до ночи трудиться, безделье казалось пустым и тоскливым.

С детства Цюаньцзы почти не болел, а уж чтобы вот так слёг — таких случаев по пальцам пересчитать.

Он потрогал шишку на затылке — вроде не так болит, завтра уж точно поправится.

Завтра он пойдёт срубит кленовую ветку, сделает лук. Дядя Ван учил его этому ремеслу, только работа сложная, он пока лишь азы постиг. Но всё же иметь лук — дело другое, даже самый грубый может оружием стать.

Цюаньцзы любил лук со стрелами: можно птицу или зверя подстрелить, еду добыть, можно защититься, разбойника напугать.

Лишь став сильным, можно не давать себя в обиду.

Размышляя так, Цюаньцзы достал из-под изголовья ржавый ножик — свою любимую вещь. Однажды с дедом ездили рис продавать, на дороге подобрал.

Рядом с ножом лежала деревянная дощечка. Цюаньцзы взял её, разглядывая вырезанные узоры.

Грамоты он не знал, но некоторые вещи нужно было записать, чтобы потом не забыть.

На дощечке криво-косо были вырезаны миска, одежда, круглая коробочка и связка медяков. Увидев эти картинки, Цюаньцзы будто что-то вспомнил. Он положил дощечку на ложе, взял ножик и вырезал курицу. Дерево было твёрдое, резалось плохо, курица вышла похожей на птицу — тощая, лысоватая, лапы разной длины. Лишь бы самому понять, а другим показывать не собирался.

Это и были его «долги» второму господину Чжуан.

В Фэнли, где жил Цюаньцзы, грамотных людей почти не было. Кто своё имя написать мог, уже считался учёным. Мать говорила, что отец его грамоту знал. Когда Цюаньцзы родился, отец кистью на шёлке имя его написал. Этот шёлк матушка Лю до сих пор хранила, но, поскольку сама читать не умела, ни она, ни дед не знали, какие именно иероглифы там выведены. Цюаньцзы тоже не задумывался — дед дал ему детское прозвище, так и зовут до сих пор.

Пролежав два дня, Цюаньцзы чувствовал, как всё тело ноет. Ещё темно было, когда он поднялся, взвалил на спину бамбуковую корзину, взял серп и отправился за свиным кормом в лес за домом. Первые шаги делал осторожно, убедился, что голова не кружится и не тошнит, и с радостью принялся за дело.

Встал Цюаньцзы рано, даже петухи в Чжули ещё не пели, а он уже полкорзины диких трав нарезал. Траву нужно было порубить да сварить в каше. Свинья в их доме была ещё мала, нужно было хорошо откормить. Если сейчас выпустить в лес, может заболеть, да и если несколько дней не присматривать, одичает, станет кабаном, а то и с другим хряком сбежит.

Да, свинья у них была молодая свиноматка.

В Чжули заброшенных домов было много, найти в них разбитый глиняный горшок — дело нехитрое. Цюаньцзы как раз один отыскал, в нём для свиньи и варил. Сварив, выливал в треснувшую глиняную миску и нёс в свинарник. Поросёнок ел с аппетитом, даже самую грубую пищу уплетал за милую душу.

Хоть и скот, но, как и у людей, еда его зависит от богатства хозяев. Та же свинья в бедной семье траву жуёт, а в богатой — помои ест. Свинье Цюаньцзы явно на роду было написано худобу.

Накормив поросёнка, Цюаньцзы вывел овцу на речной берег поpastись, привязал к дереву.

С тех пор как построили свинарник, рядом смастерили и попроще загон для овцы — вот у неё и появился «дом», а не тёмный сарайчик, где раньше привязывали.

Каждый день у Цюаньцзы дел было по горло, и он их планировал, а не как придётся.

Свинью покормил, овцу выгнал — потом на реку, рыболовную вершу поставить, затем воду

принести, поле бобов полить.

Несколько дней не полон — и на бобовом поле, и на тарóвом сорняков выросло много. Таро, что у реки посажено, водой обильно, листья сочные, зелёные.

Цюаньцзы полон, а сорная трава у реки буйно росла, на поля лезла. Люди траву не едят, а вот овцы да кролики на ней растут. О корове Цюаньцзы и мечтать не смел — не по карману, а вот пару кроликов завести было бы хорошо, травы для них полно.

Так-то оно так, да денег в доме не было, и кроликов купить было не на что.

Закончив с делами, Цюаньцзы заметил, что утро уже прошло, а в бамбуковой роще стало оживлённо.

Утром Чжуан Ян вышел из дома, встал на деревянной галерее, смотрел на речной берег и увидел среди тарóвого поля фигуру Цюаньцзы — понял, тот уже может работать, значит, поправляется. Чжуан Ян с галереи второго этажа наблюдал за юношей с того берега, а Цюаньцзы, остановившись с мотыгой, поднял голову к усадьбе семьи Чжуан и тоже разглядел на галерее человеческую фигуру, очень похожую на второго господина.

В тот день после еды Чжуан Лань играла во дворе с Чжусунем. Чжусунь лежал на спине, а Чжуан Лань, взяв его за передние лапки, закрывала ему глаза — и ребёнок, и зверёк были в восторге. Чжуан Ян тем временем пробирался меж камелий к пруду — хотел на лотосы посмотреть. На пруду десятков листьев раскрылись, меж них рыбы да креветки резвились.

В Чжули Чжуан Ян часто забывал о суете внешнего мира и далёких войнах. Жизнь здесь была относительно спокойной, а тревога, что нагнали сборщики податей, понемногу рассеивалась.

— Братец, я к Цюаньцзы, на поросёнка посмотреть!

Сзади послышался голос Чжуан Лань. Чжуан Ян обернулся и увидел семяющего к нему Чжусуня.

— Иди.

Чжуан Ян сквозь листья камелий разглядел мелькающее красное платье Чжуан Лань.

Когда Чжуан Лань шла к дому Цюаньцзы, Чжуан Ян видел её со двора, а вот если бы она по Чжули одна бегала, было бы куда спокойнее. В последнее время А-Ли часто дома сидел, книжки читал, и Чжуан Лань не с кем было играть. Девочка она подвижная, не желала с Чжуан Яном возиться, цветы поливать да книжки читать. Чжуан Ян считал, что такова её природа, да и до замужества ещё далеко, не хотел её сковывать.

Раз ребёнок, пусть и живёт беззаботно, как ребёнок.

Чжуан Ян выбрался из зарослей камелий — к его ноге прицепился чёрно-белый пушистый комочек. Он наклонился, поднял Чжусуня, взял на руки и поднял глаза, провожая Чжуан Лань, что направлялась к мосту на западный берег. Лишь когда она достигла того берега, Чжуан Ян успокоился, убедившись, что она не убежала в другое место, и понёс Чжусуня в бамбуковую рощу.

Чжусунь проводил в бамбуковой роще большую часть дня. Этого малого бамбукового медведя в семье Чжуан все любили, оттого он и обленился, даже бамбук жевал без особого рвения.

Положив Чжусуня под пучок свежих бамбуковых листьев, Чжуан Ян постоял рядом, а когда зверёк увлёкся едой, тихо удалился.

Как зверёк, Чжусунь получал много заботы, да и человеческих страданий не ведал — еда под боком, целые заросли. Счастливее многих людей в этом мире.

Чжуан Лань, встав на цыпочки у свинарника, смотрела на поросёнка, что лежал у корыта и посапывал. «Какая ленивая», — подумала она. Взяла бамбуковую веточку и листиком на конце пощекотала свинье ухо. Ухо дёргалось, будто отмахиваясь от комара.

— Цюаньцзы, а ты поросёнку имя дал?

<http://bllate.org/book/15945/1425499>